

Живет в Бобруйске (Беларусь).

ВЕСЬ ЭТОТ ДЖАЗ

1.

Девять месяцев плюс бесконечность

В ночь, когда одичавший ветер срывается с поводка,
дом прячет глаза за ставнями и слушает голос моря.
Волна, разбиваясь в брызги у острых скал, сипит: "Тос-с-кааа...",
но стон её сразу же тонет во многоголосом хоре.

Луна опускается низко — так низко, что лунные зайцы
скачут, страх позабыв, на галечный тёмный берег.
Раки-отшельники под шумок меняют панцирь на панцирь.
Ветер воет и мечется, воет и мечется — законченный неврастеник.

И — подумать только! — скорее, чем выведешь "альфа-бета",
море стучится в дверь: сила его — в приливе, а пальцы — в йоде.
Тороплюсь, вымарываю — пишу, покамест хватает света.
Свеча, оплывая, утрачивает символичность.

Так всё проходи.....

чтобы снова начаться чёрт знает где
тягостно как любое деление
если вдуматься а почему не думать
когда впереди пропасть времени
до того как солёные воды образуют течения
вокруг моей полупрозрачной тверди
так вот если вдуматься то можно заметить
что мысли возникая из импульсов пробегая по синапсам
вспыхивая молниями на перекрёстках нервных сплетений
рассыпаясь искрами понимания
не представляют собой ничего интересного
поскольку вторичны изначально
чудо лишь в самом механизме производства мыслей
потому что он даёт хоть призрачный но шанс
на настоящий промысел
так и жизнь круг за кругом прилив за приливом
возникает пробегает вспыхивает рассыпается
ровным счётом ничем не являясь
но оставаясь чудом
таящим в себе невиданный потенциал

...Никто не ждал
Посчитай про себя до ста.
Успокойся.
Не убило, правда же? Значит, пользу
извлечёшь, как только наскучит быть.
От цинизма, детка, никто не умер.
Боль зудит настойчиво, точно зуммер
комариный.

Пошло.
Имеем в сумме:
две полоски теста, семь дней задержки,
три недели моря, вагон проблем.
Маскируем слёзы прищуром дерзким.
Чешет бес затылок, хранитель — нем.
Пусть молчит, не то заведёт о чуде.
И без этой ваты — не задышать.
Как решишь, так будет.
Да что там будет?!
Тридцать семь.
Похоже, последний шанс.

Руку тяну — а вокруг, несомненно, открытый космос.
Одиночества столько, что пальцы сворачивает в кулак.
Подпираю им лоб, постигая мудрёный осмос:
сюда продавило с лёгкостью, а назад не уйти никак.
Впрочем, химику — опыты, физику — атом, поэту — поэтово.
Я никто, я нигде, я начало отсчёта — но кем?
Время вязкое здесь — вероятно, еще и поэтово
я давлюсь пресной кашей почти позабытых лексем.
Темноводье качает меня, растворяя отличия,
(засыпай, моя радость, за печкой запели сверчки).
Вьёт гнездо новый день, подчиняясь инстинктам птичьим, и
я предчувствую скорое...
Пальцы свело в кулаки.

Пальчики... пяточка. Крохотка.
Близко слёзы.
Кто бы сказал, что и дуры из стали плачут?
Маленький, лапочка...
Господи, пусть бы мальчик.
Что Тебе стоит, Отче?
...Опять заёрзал —
крутится.
Тесно, малышкин?
И мне непросто —
но потерпи, не спеши, подрасти ещё:
месяц какой — и завьётся густым плющом
маленький дом, Персефона придёт на остров,
кончится тьма.
Отдыхай, мой хороший.
Скоро.

В город везут. Для чего мне дурацкий город?
Горло моё обвивает петля судьбы —

"быть или не быть" не вопрос, а постылый быт.
Раз пуповинной веревкой взятая обвит,
в гордиев узел стянут, как суть брахмана,
вряд ли разумно строить пустые планы.
Свет то багров, то слегка отливает в сливу —
можно считать условно альтернативой,
равно как развлечением — тень от рук.
Сине-зелёный режущий ультразвук
входит в меня, точно дух, потерявший тело.
"Мальчик! Красавчик... А мама кого хотела?"
Я, обрываясь, как брошенный алфавит,
падаю в пропасть.
Море вокруг штормит...

"В родах? Часов пятнадцать... Раскрылась? Шесть".

Госс-сподиии, если Ты... Верю, что... Если есть,
сына не трогай, пожалуйста. Что угодно:
силу, способности, будущие полотна —
пусть никогда этюда не напишу,
только его, п-пожа-а-алуйс-сста...

Белый шум

К свету лечу?
Нет, изгибаюсь штольной,
плавлюсь в реторте жизни на "да" и "нет".
Как же ты жгуч и яростен, белый свет!
Я на тебе, как огненный яд, настоян.
Руки огромные.
Страх.
Человек-гора.
Губы дрожат, но лучатся глаза всё ярче.
— Здравствуй, любимый... Мой долгожданный мальчик...
Воздух кинжалит.
Больно, но надо.
...Здра... а-а-а-а!!!

2.

Весь этот джаз

И ночь придёт, и будет ночь черна,
в саму себя до дна погружена,
и звёзды скроют облачные бельма,

и запоют огни святого Эльма
на низкой и опасной частоте,
танцуя на антеннах дальней связи,
на мёртвых люстрах, на обломках стен,
на яростных сплетеньях бранных тел,
а после нас накроет белой бязью
забвения и мелкого песка.
Да, так мы возвращаемся к истокам.
Вот голос мой, а вот моя рука.
Я буду петь. Держи меня под током.
Весь этот джаз закончится ничем,
и мы никем закончимся, но всё же
пройди меня, как самый главный обжиг,
открой меня так, как другой не сможет,
услышь меня в смешении фонем,
узнай меня за жадным поцелуем.
Весь этот джаз... Я буду. Будешь ты.
И мир потом придёт из пустоты,
и ночь придёт, и будет... Аллилуйя.

3.

* * *

Я не флейта твоя, я вообще не твоя, господь.
Я уже не имею формы, не помню рук,
что меня, не спросив, беспристрастно вдавили в плоть
и отправили быть на таком продувном миру.

Отпусти меня, господи, может быть, отойдя
от твоих ожиданий, я что-то ещё пойму.
Я пишу эти письма ушедшим путём дождя,
понимая, что канут камнем в твою суму.

Богоборица, дурочка, язва на языке,
разодетое тело, носимое невпопад...

Если спросишь: "Кем полнишься?", я отрещусь: "Никем".
Потому что не верю, что ты пощадишь мой сад,
потому что я помню, боже, как ты ревнив,
потому что я знаю тяжесть твоей любви.
Я впишу тебя, господи, в этот никчёмный миф —
отпусти меня только, а сам в нём — вовек живи.

[Страница автора в сети](#)

